УДК 94(477)
ББК 63.3

Борисенок Елена Юрьевна,
кандидат исторических наук,
заведующая Отделом восточного славянства,
Институт славяноведения, Российская академия наук,
Ленинский просп., 32 а, 119334 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vostslav@yandex.ru

РУССКИЕ В УССР В ПЕРИОД КОРЕНИЗАЦИИ 1920–1930-х гг.

Аннотация: В период коренизации республиканское партийное руководство проводило протекционистскую политику в отношении украинцев. Поддержка национальной культуры и борьба с великорусским шовинизмом затрудняли определение статуса русского населения на Украине. Однако проигнорировать этот вопрос было невозможно, и украинские лидеры признали русских национальным меньшинством и начали выделение русских национально-территориальных единиц (сначала сельсоветов, а затем и районов). Городов такое выделение не коснулось. Кардинально изменить облик города украинскому руководству не удалось, что объяснялось как изначально сильными позициями русской культуры, так и развернувшейся вскоре борьбой с украинским национализмом. В результате русские, хотя и не были представителями «коренной национальности», тем не менее продолжали играть важную роль в общественной жизни Украинской ССР.

Ключевые слова: коренизация, украинизация, УССР, национальное меньшинство, русские.

Большая Украина к началу XX в. представляла собой регион со сложным этническим рельефом. По данным переписи 1897 г., на Большой Украине проживали не только украинцы/малороссы (73%), но и русские/великороссы (12%), евреи (8%), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7%). При этом к крестьянскому сословию относилось 93% всех украинцев. Украинская интеллигенция была в основном сельской: по данным 1897 г., три четверти украинцев, по своей профессии связанных с интеллектуальным трудом, проживало в сельских районах. Русское же население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27%) оно составляло большинство населения [6, с. 20–27, 58]. Хотя «малороссийское наречие» и было признано Российской академией наук в период первой русской революции самостоятельным языком, однако это не повлияло на устойчивые позиции русского языка на украинских землях. На русском языке говорили в городах; русский язык господствовал в системе образования, в издательской сфере, науке, театральном искусстве, не говоря уже об официально-деловом общении и армии.

Более того, для всего XIX и начала XX вв. было характерно восприятие малороссов как части русского народа, а культурная специфика Малороссии была вполне приемлема в глазах сторонников концепции «большой русской нации», пока, как пишет известный российский исследователь А. И. Миллер, не входила с этой концепцией в противоречие [9].

Между тем «общерусской» ориентации противостояли сторонники «украинской идеи», исключавшие украинцев из общерусского этнокультурного пространства. Мировая война и революция способствовали всё большему распространению украинской идеи: острый системный кризис привёл к распаду ранее доминировавшей системы идеалов и ценностей, общерусские основы идентичности всё больше теряли своё значение, неуклонно повышалась роль национального (точнее — этнонационального) фактора, и украинская этническая принадлежность становилась основой для легитимизации политических изменений и установления различных национальных режимов. В ноябре 1917 г. Украинская Центральная Рада приняла III Универсал об образовании Украинской Народной Республики в составе Российского государства, а в январе 1918 г. IV Универсалом объявила УНР независимым государством. В апреле 1918 г. власть захватил гетман Павел Скоропадский, объявивший о создании Украинской державы. В декабре 1918 г. произошёл переворот, гетман был смещён, к власти пришла Директория, объявившая о восстановлении УНР.

Формировавшаяся в украинском сознании особая культурно-языковая и национальная идеология получила в период революции поддержку со стороны правительственных структур Украинской Народной Республики и Украинской Державы гетмана П. П. Скоропадского. Перемены, осуществлявшиеся Центральной Радой, гетманом, Директорией, должны были изменить прежнюю культурно-языковую ситуацию на украинских землях: для украинских правительств национальный язык являлся символом суверенизационного процесса, и внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь придавалось особое значение. Весьма откровенно сущность политической линии национально настроенных сил выразил заместитель председателя Центральной Рады, писатель В. К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине — народ украинский. Поэтому для него, как украинского народа должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд. А также и армия»[3, с. 125–126].

В условиях Гражданской войны украинским правительствам удалось добиться определённых успехов, хотя не позволили осуществить всё задуманное в полной мере: открывались украинские школы и гимназии, росло число периодических изданий и книг на украинском языке, была создана Украинская академия наук, при высших учебных заведениях открывались кафедры украиноведения, был открыт университет в Каменце-Подольском, историко-филологический факультет в Полтаве, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский госуниверситет, была открыта Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

Проводимая национальными правительствами украинизация вызвала большой резонанс в обществе. Конечно, для крестьян и рабочих первостепенное значение имели продовольственная и аграрная проблемы, а появление украинских школ или кафедр украиноведения были для них явлением второстепенным. Однако интеллигенция реагировала на происходящее весьма болезненно. Независимо от того, считали ли они необходимым сохранить государственное единство на прежних основах, или же были приверженцами федерализации и демократизации России, русские интеллектуалы тяжело переживали отказ сторонников украинской идеи от общерусского культурного пространства.

Настроения русского общества зафиксированы в «Белой гвардии» М. А. Булгакова: «Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман», — говорит Алексей Васильевич Турбин. И далее: «Сволочь он (гетман. — *Е. Б.*), ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!» Турбину возражает Леонид Юрьевич Шервинский: «Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, — пусть!» Но Турбин с этим не был согласен: «Пять процентов, а девяносто пять — русских!..» [1, с. 208–210].

В отличие от государственных деятелей Украинской Народной Республики, считавших украинизацию закономерным процессом, сопровождавшим строительство национальной государственности, русская и русскоязычная общественность полагала, что подобные мероприятия со стороны правительства нарушают «равенство национальностей». Вот какие мысли высказывал первый глава Украинской академии наук В. И. Вернадский в апреле 1918 г.: «Едва ли может при условиях, какие есть в стране, возродиться Украйна с чисто украинским языком и культурой. Для этого нет ни одного слоя, который бы поддерживал и был охвачен этой идеей» [2, с. 78].

6 января 1919 г. была провозглашена Украинская Социалистическая Советская Республика. Интернационалистические лозунги и вера в мировую революцию не помешали большевикам пойти на уступки «националистическим мелкобуржуазным настроениям». Демонстрируя образцовое решение национального вопроса, большевики признали необходимость «развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику <...> народов»: союзные республики рассматривались как государственные образования определённой нации со всеми присущими ей особенностями, в том числе и «специфическими особенностями национальной культуры». Обеспечение национального облика республик шло за счёт проведения политики коренизации (в УССР — украинизации), которая выражалась в протекционизме в отношении национальных языков и культур и создании преимущественных условий для карьерного роста представителям «коренной национальности». Таким образом, большевики не только не боролись с актуализировавшейся украинской этнической идентичностью, но и своей политикой способствовали её укреплению.

Одновременно речь шла о борьбе с «пережитками прошлого» — с великорусским шовинизмом, с фактическим неравенством национальностей и местными

националистическими пережитками. XII съезд РКП(б), принявший в 1923 г. курс на коренизацию, подчеркнул, что «разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности» [5, с. 693–694].

Украинизации общественной жизни в Украинской ССР приобрела широкий размах. Языки всех национальностей признавались равноправными, украинский и русский язык считались наиболее распространёнными, но украинский выбирался в качестве преобладающего для «официальных сношений». На практике украинизация выразилась в привлечении украинских кадров на работу в советские и партийные органы, введении обучения на украинском языке, создании системы национальных научных институтов, издании на украинском языке газет и журналов, поощрении развития украинской литературы и искусства. Особенно активно украинизация стала проводиться с 1925 г., после того, как главой украинских коммунистов стал Л. М. Каганович.

Украинский язык активно внедрялся в общественную жизнь республики. В 1930 г. только четыре крупных газеты выходили на русском языке: «Вечерние известия» в Одессе, газеты в Сталино (Донецке) и Мариуполе и «Луганская правда». В 1932 г. украинизация прессы достигла 87,5%. Так же быстро была проведена и украинизация школы. Особенно впечатляющими были темпы украинизации начального образования: к 1930 г. на Украине осталось только 1504 начальных русских школы в противовес 14 430 украинским [14, с. 95].

Однако политика коренизации предусматривала и защиту прав национальных меньшинств, и создание национально-территориальных административных единиц, в которых на языке большинства населения (например, немецком, польском и т.п.) велось обучение в школах, выпускались газеты, работали органы власти. Выделение национальных районов и сельсоветов началось с 1924 г. Первыми появились немецкие национально-территориальные образования, позднее — болгарские, польские, еврейские.

Между тем при проведении национальной политики в республике вставал вопрос: кем считать русских в УССР, каков их статус, если они являются национальным меньшинством, то какие национальные административно-территориальные образования должны были быть созданы? Среди партийного и советского руководства было весьма распространено мнение, что русские в качестве бывшей господствовавшей национальности занимали в сфере культуры слишком прочное положение, чтобы предоставлять им дополнительную защиту как национальному меньшинству. Партийное руководство понимало, что если дать право на образование национальных советов городским русским, то городами с русскими советами официально станут Харьков и Одесса. Поэтому, хотя русские сельсоветы появились в 1925 г., ни русских районов, ни тем более горсоветов республиканское руководство создавать не торопилось.

Нарождающаяся украинская советская элита стремилась подчеркнуть своё отличие от элиты русской. Так, украинский советский поэт, прозаик, публицист Николай Хвылевой считал, что нация может культурно проявить себя только в том случае, если найдёт собственный путь развития, в то время как до последнего времени украинская интеллигенция («за исключением нескольких бунтарей») в культурном отношении шла за русским дирижёром. Хвылевой подчёркивал, что ведётся «борьба за гегемонию на культурном фронте двух братских культур на Украине — русской и украинской». Однако возможности украинской интеллигенции явно ограничены, поскольку на книжном рынке она будет расцениваться как «товар второго, третьего или четвертого сорта, хотя бы он был и первого». «Это закон психологии нашего читателя, по меньшей мере, на первые десять лет», — вздыхал Хвылевой. Сказывался и традиционный пиетет — «рабская природа», по выражению Хвылевого, — по отношению к русской культуре, что не даёт возможности Украине «проявить свой национальный гений». Хвылевой доказывал, что украинская советская культура должна сделаться «у себя, на Украине, гегемоном» [8, с. 734].

Хотя идейные изыскания Хвылевого, изложенные в период литературной дискуссии 1925–1928 гг., были осуждены партийным руководством республики, тем не менее стоит согласиться с тем, что большевистская практика национального строительства была нацелена на изменение соотношения языков в коммуникативной сфере. Украинский язык проникал в ранее недоступные для него области — официально-деловую, политическую, научно-образовательную — и, таким образом, теснил позиции русского языка, а украинская национальность становилась важным условием успешного карьерного роста. Это, в свою очередь, приводило к жёсткой социальной конкуренции и обострению отношений, в том числе и личных, между русскими и украинцами. Например, в 1927 г. профессура Киевского художественного института выступила резко против приглашения на работу преподавателей из числа русских художников. В украинский Наркомпрос было подано соответствующее заявление с 26 подписями. По свидетельству ЦК КП(б)У, «еще до подачи заявления в Киеве проводилась классовая борьба. Националисты распространяли листовки-протесты». В этих листовках говорилось о том, что «украинский художественный фронт» наводняется «кацапами и жидами», что всё народное украинское глушится, и что все, кому дорого развитие украинской культуры, должны чинить отпор и т.д. [12]

Активные меры по украинизации вызывали недовольство среди русского населения УССР, что стало причиной обсуждения на Третьем съезде Советов в мае 1925 г., а затем в апреле 1926 г. на второй сессии 3-го созыва ЦИК СССР. Инициативу проявил Юрий Ларин (псевдоним известного революционного деятеля Михаила Залмановича Лурье). По его мнению, русские, оказавшиеся национальным меньшинством в республиках, имеют право на защиту своих интересов: «...каждое национальное меньшинство любой республики, т. е. русские, поляки и евреи на Украине и в Белоруссии, русские — в Киргизии, украинцы на Кубани, украинцы в Воронежской губернии, белорусы в Гомельской губернии, — вообще каждое национальное меньшинство, населяющее какую-нибудь деревню, город или

местечко, словом, какую-нибудь территориальную часть, имеет право выделиться в отдельный территориальный совет с делопроизводством на своем родном языке» [11, с. 275]. Ларин заявил о существовании «русского вопроса на Украине» и подчеркнул, что «практика относительно русских пока порой хромает», между тем «русские на Украине — нацменьшинство, и к ним нужно подходить как к нацменьшинству, давая те же гарантии национальных прав и культуры, какие даются другим нацменьшинствам — немцам, полякам, евреям и т. д.»[4, с. 458, 467].

По вопросу о том, считать ли русских на Украине национальным меньшинством, украинское руководство не пришло к единому мнению. Например, секретарь ЦК КП(б)У В. П. Затонский не считал русских на Украине нацменьшинством: «Для нас русский язык не просто язык нацменьшинства, и русские на Украине не просто нацменьшинство, но большинство рабочего класса на Украине» [4, с. 517]. Однако другой украинский деятель, Нарком юстиции и генеральный прокурор УССР, а позднее — нарком образования УССР Н. А. Скрыпник придерживался другого мнения: к русским на Украине следует относиться именно как к нацменьшинству.

Ларин не удовлетворился состоявшейся на сессии ЦИК дискуссией. В последнем номере «Большевика» за 1926 г. и в первом номере за 1927 г. была опубликована его статья «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)». Ларин пытался донести до читателей мысль, что «насилие над языком трудовых масс неизбежно вызывает рост шовинизма (выделено в тексте статьи. — *Е. Б.*) с обеих сторон», что «под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искажённой в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как объективные, так и субъективные» [7, с. 50].

Выступления Ларина не прошли впустую, привлекая внимание к проблеме статуса русских на Украине. 31 января 1927 г. на заседании комиссии по украинизации Н. А. Скрыпник подчеркнул ошибочность воззрения на русский язык как язык «союзный», продолжая настаивать, что «русская национальность на территории Украины является национальностью меньшинства и русский язык на территории Украины является языком нацменов», и, следовательно, нужны меры для соответствующего выделения нацрайонов [13].

Хотя отнюдь не все на Украине были согласны с точкой зрения Скрыпника, тем не менее в резолюции «Об итогах украинизации», опубликованной 19 апреля 1927 г., политбюро ЦК КП(б)У вынуждено было констатировать «рост шовинистических настроений, как среди русских, так и среди украинских элементов мелкой буржуазии, пытающихся оказать влияние на рабочий класс и даже на отдельных членов партии», и высказать своё окончательное решение по данному вопросу: «К числу нацменьшинств на Украине относится также и русское население, обеспечение культурных интересов которого должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами». Впрочем, за русским языком признавалось «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине», что подразумевало обязательное преподавание русского языка в школах, обязательную публикацию правительственных распоряжений, наряду с украинским, также и на русском

языке. «Однако это ни в коем случае не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме», — подчёркивали украинские руководители. В то же время они указывали на нецелесообразность выделения в отдельные административно-территориальные единицы городов, являющихся центрами районов с неукраинским населением, поскольку «динамика социального развития неминуемого ведет к их (городов. — *Е. Б.*) украинизации по примеру аналогичного процесса изменения национального характера города в соответствии с национальным складом большинства населения страны в Чехии, Венгрии, Латвии и других странах» [10]. 12 июля 1927 г. президиум ВУЦИК одобрил создание 9 русских национальных районов: в Глуховском округе был создан Путивльский район, в Запорожском округе — Каменский, в Луганском округе — Сорокинский, Станично-Луганский, Петровский, в Мелитопольском округе — Терпинянский, в Харьковском округе — Алексеевский, Староверовский и Чугуевский.

Таким образом, сильные позиции русского языка и культуры и большая численность русского населения на Украине заставляли республиканское партийное руководство проводить протекционистскую политику в отношении украинцев. Поддержка национальной культуры, с одной стороны, и борьба с великорусским шовинизмом, с другой, существенно затрудняли определение статуса русского населения на Украине. Однако проигнорировать этот вопрос было невозможно, и украинские лидеры признали русских национальным меньшинством и начали выделение русских национально-территориальных единиц (сначала сельсоветов, а затем и районов). Хотя городов такое выделение не коснулось, кардинально изменить облик города украинскому руководству не удалось, что объяснялось как изначально сильными позициями русской культуры, так и развернувшейся вскоре борьбой с украинским национализмом. В результате русские, хотя и не были представителями «коренной национальности», тем не менее продолжали играть важную роль в общественной жизни Украинской ССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Булгаков М. А.* Белая гвардия // *Булгаков М. А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 1. 734 с.
2 *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Киев: Наукова думка, 1994. 271 с.
3 *Винниченко В.* Відродження нації. (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]) Київ; Відень, 1920. Ч. 1. 348 с.
4 Вторая сессия ЦИК СССР Третьего созыва [12–25 апреля 1926 г.]: Стенографический отчет. М.: Изд. ЦИК СССР, 1926.
5 Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. 904 с.
6 *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ: Основи, 1997. 423 с.
7 *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23/24. С. 50–58.

8 Микола Хвильовий. Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поэтичні твори. Памфлети. Київ: Наукова думка, 1995. 816 с.
9 *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 301 с.
10 Резолюція ЦК КП(б)У про підсумки українізації // Вісті ВУЦВК. 1927 р. 19 квітня.
11 Третий съезд Советов СССР: Стенографический отчет. М.: Изд. ЦИК СССР, 1925. 573 с.
12 Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 2. Спр. 6220. Арк. 5–56.
13 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 2456. Арк. 8.
14 *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці: Рута, 1998. 208 с.

* * *

Borisenok Elena Yurievna,
PhD in History,
The Head of Eastern Slavs Department ,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Lenin pr. 32 a, 119334 Moscow, Russian Federation
E-mail: vostslav@yandex.ru

THE RUSSIANS IN THE PERIOD OF LOCALIZATION IN 1920–1930s

Abstract: During localization period the Republican Party leadership pursued the protectionist policies to Ukrainians. The support of national culture and the fight against Russian chauvinism made it difficult to determine the status of the Russian population in Ukraine. However, to ignore this question was impossible, so Ukrainian and Russian leaders recognized the Russians as a minority and began the allocation of Russian national-territorial units (at first, village councils, and then the regions). Cities were not affected by such measures. The Ukrainian leadership failed to change dramatically the appearance of the cities, because of the very strong original position of Russian culture there, and the struggle against Ukrainian nationalism, which started soon. As a result, Russian, although they were not members of «indigenous local nationalities», nevertheless, continued to play an important role in the social life of the Ukrainian Soviet Republic.

Keywords: localization, ukrainization, USSR, national minority, Russian.

REFERENCES

1 Bulgakov M. A. Belaia gvardiia [The White Guard]. *Sobr. soch.: v 5 t.* [The collected works in 5 volumes]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1992. Vol. 1. 734 p.
2 Vernadskii V. I. *Dnevniki. 1917–1921* [Diaries]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1994. 271 p.
3 Vinnichenko V. *Vidrodzhennia natsii. (Istoriia ukraïns'koï revoliutsiï [marets' 1917 r. – gruden' 1919 r.])* [Revival of the nation (The history of Ukrainian revolution [March 1917 – December 1919])] Kiïv; Viden', 1920. Ch. 1. 348 p.

4 *Vtoraia sessiia TsIK SSSR Tret'ego sozyva [12–25 aprelia 1926 g.]: Stenograficheskii otchet* [The second session of USSR of the third convocation [April, 12–25, 1926]: written record]. Moscow, Izd. TsIK SSSR Publ., 1926.
5 *Dvenadtsatyi s»ezd RKP(b). 17–25 aprelia 1923 goda: Stenograficheskii otchet* [The Twelfth Communist Party Congress. April, 17–25, 1923: Written record]. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 904 p.
6 Kravchenko B. *Sotsial'ni zmini i natsional'na svidomist' v Ukraïni XX s.* [Social changes and national awareness in the Ukraine of XX century]. Kiïv, Osnovi Publ., 1997. 423 p.
7 Larin Iu. Ob izvrashcheniiakh pri provedenii natsional'noi politiki (v poriadke obsuzhdeniia) [On the distortions while carrying out national policy (to be discussed)]. *Bol'shevik* [Bolshevik], 1926, no 23/24, pp. 50–58.
8 Mikola Khvil'ovii. *Noveli, opovidannia «Povist' pro sanatoriinu zonu», «Val'dshnepi». Roman. Poetichni tvori. Pamfleti* [Stories. «A story about a sanitary protection zone». «Woodcocks». A novel. Poems. Pamphlets]. Kiïv, Naukova dumka Publ., 1995. 816 p.
9 Miller A. I. *«Ukrainskii vopros» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraia polovina XIX v.)* [«Ukrainian issue» in the authorities policy and in Russian public opinion]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000. 301 p.
10 Rezoliutsiia TsK KP(b)U pro pidsumki ukrainizatsiï [The Resolution of the Central Committee (of Bolsheviks) of Ukraine about the results of ukranization]. *Visti VUTsVK* [News of All-Ukrainian Cental Executive Committee]. 1927 r. 19 kvitnia.
11 *Tretii s»ezd Sovetov SSSR: Stenograficheskii otchet* [The Third Congress of USSR: written record]. Moscow, Izd. TsIK SSSR Publ., 1925. 573 p.
12 *Tsentral'nii derzhavnii arkhiv gromads'kikh ob'єdnan' Ukraïni (TsDAGOU)* [Central State Archive of public associations in Ukraine]. F. 1. Op. 2. Spr. 6220. Ark. 5–56 (In Ukraine, unpublished).
13 *TsDAGOU* [Central State Archive of public associations in Ukraine]. F. 1. Op. 20. Spr. 2456. Ark. 8 (In Ukraine, unpublished).
14 Shevel'ov Iu. *Ukraïns'ka mova v pershii polovini dvadtsiatogo stolittia (1900–1941). Stan i status* [Ukrainian language in the first part of XX century (1900–1941). State and status]. Chernivtsi, Ruta Publ., 1998. 208 p.